

Отсутствует в сказке о Марке эпизод с заколотым вместо младенца щенком; в некоторых вариантах, впрочем, заколот, изжарен и съеден волком новорожденный барашек.²⁴ Но замена младенца щенком, сердце которого вынуто, зажарено и подается на стол, встречается в другой, не менее известной русской народной сказке — о царе Соломоне.²⁵

Можно указать на целый ряд других несовпадений между «Сказанием о богате купце» и близкой ему народной сказкой-легендой о Марке Богатом. Так, почти во всех вариантах сказки юноша женится на дочери богача до его гибели и наказания: письмо купца жене с предписанием погубить молодого человека, подменяется чудесным образом распоряжением о свадьбе. В сказке иная, чем в «Сказании», мотивировка поездки богача в монастырь (не болезнь дочери, а, например, получение долгов).²⁶ Только в «Сказании», но ни в одном из вариантов сказки юноша избежал гибели в огне из-за посещения церкви; в сказке его удерживает дочь богача.²⁷ Даже наказание богача имеет в сказке варианты: иногда он становится перевозчиком на реке,²⁸ иногда его заживо съедают черви.²⁹

Представляется, что причина этих отклонений и несовпадений как между вариантами сказки, так, может быть, между сказкой и «Сказанием» — творческая, изустная передача повествования, при которой остается неизменным самое главное и вплетаются дополнения, порой перенесенные из других сказок.

Таким образом, сюжетная канва русской народной сказки о Марке Богатом, с отдельными отклонениями и дополнениями составляет главный источник обнаруженного Н. К. Гудзием «Сказания о богате купце».

Вместе с тем это «Сказание» — интереснейшее явление русской литературы на рубеже нового времени. Здесь перед нами не точная запись устного пересказа, а книжный, письменный вариант сказки, известный русскому читателю в конце XVII—начале XVIII в.

Легендарный, сказочный характер «Сказания о богате купце» не исключает его близости к русским повестям конца XVII—начала XVIII в. Здесь можно отметить мотив родительской любви (нищие говорят купцу Бендеру: «Жаль нам чрево свое продать, понеже, что нам ево (младенца, — О. Б.) не видать будет»). Здесь фигурирует преуспевающий купец, подобный окружению, например, Саввы Грудцына. Запоминается выразительная характеристика ловкости купца, умело заключающего сделки и стремящегося перехитрить даже самого бога в своекорыстных целях. Обстановка, в которой происходит действие «Сказания», — это сфера оживленных торговых связей на морских путях; купец то снаряжает корабли, то пустившись «за Черное море гулять», на «малой яхте» пристает к «граду», где останавливается «на фатеру», — совсем как герои повестей об Александре, российском дворянине, о Василии Кариотском и других сочинений петровского времени. О лексике петровской поры напоминают и «персоны» и «протчие науки».

²⁴ О богаче Марке; Бог и барин.

²⁵ И. А. Худяков. Великорусские сказки, вып. 2. М., 1861, стр. 133—138, № 80 (Царь Соломон); Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии, стр. 22—27, № 3 (Царь-девица); Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, № 113, стр. 203—206 (Царь Соломон); там же, стр. 271—273, № 40. Загадки (Царевич-найденш); А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок..., вып. 1, стр. 129—130, № 22 (О царе Соломоне).

²⁶ Марко Богатый и Василий Бессчастной.

²⁷ О богаче Марке; Как господь ходил по земле.

²⁸ Оника, купец богатой; Марко Богатый и Василий Бессчастной.

²⁹ Иван Несчастной.